

—

Неделю спустя Е Лу принесла доработанную окончательную версию соглашения.

Они не собирались устраивать особо хлопотную и официальную церемонию, просто расписаться было достаточно. Си Сяньцин еще раз просмотрел окончательно подготовленные документы соглашения и отправил их Чжу Мину.

Однако Чжу Мин не ответил сразу.

В конце концов, они не были настоящей парой, и у обоих были свои дела. Си Сяньцин готовился к предстоящему тесту во втором округе, а у Чжу Мина была своя работа в прямом эфире.

За исключением того, что Си Сяньцин каждый день перед сном фотографировал Си Цзецина и отправлял Чжу Мину для записи, а Чжу Мин иногда сообщал о ходе разработки своих лекарств, они не обсуждали много других вещей.

Как и было сказано в соглашении, они относились друг к другу с уважением и не вмешивались в дела друг друга. Си Сяньцина это устраивало.

Ему не нужен был мгновенный ответ, но он не ожидал, что Чжу Мин ответит так медленно.

Закончив обсуждение деталей восковой модели с мастером, Си Сяньцин снова открыл свой мобильный телефон и обнаружил на экране неожиданно высвеченный пропущенный вызов.

«Это Сяньцин?» – После соединения из трубки донесся голос Чжу Инъин, с ноткой смущенного колебания, – «У меня есть к тебе просьба. Могу ли я попросить тебя об одолжении?»

Си Сяньцин помедлил: «Говорите».

«Я надеюсь, что ты сможешь сопровождать Чжу Мина на реабилитацию».

Чжу Инъин вздохнула: «Во-первых, после свадьбы это станет частью вашей жизни; во-вторых, он никогда не позволяет мне сопровождать его, поэтому я подозреваю, что этот парень вообще не ходит».

«Так что пока не говори ему, но тайно помоги мне провести расследование и посмотреть, слушает ли он врача и лечится ли как следует, хорошо?»

Если бы это было приглашение от самого Чжу Мина, Си Сяньцин бы категорически отказался, потому что этого не было в их соглашении, и он не был обязан это выполнять.

Но проблема в том, что это была просьба Чжу Инъин – в глазах этой слишком восторженной тетушки он был женихом, горячо влюбленным в Чжу Мина и готовящимся вступить в брак.

Даже если бы Си Сяньцин хотел отказаться, он не мог сделать это прямо и холодно в данный момент.

Поэтому в два часа дня по местному времени Си Сяньцин появился в отделении восстановительной медицины частной больницы седьмого округа.

Маленькая медсестра за стойкой регистрации напевала и одну за другой складывала брошюры по использованию инвалидных колясок на полке. Повернув голову, она увидела перед стойкой регистрации красивого молодого человека.

Глубокие глаза, широкие плечи, длинные ноги, он был одет в плавно скроенное пальто и прямо стоял в коридоре. Он выглядел не как пациент, а скорее как артист, случайно забредший сюда со съемочной площадки.

Он спросил: «Простите, есть ли пациент по имени Чжу Мин, который находится в инвалидной коляске?»

Голос был тихим и холодным, а тон — вежливым и спокойным.

Сердцебиение маленькой медсестры сначала внезапно пропустило удар, но, выслушав его вопрос, она фыркнула от смеха: «Я новенькая, поэтому еще не очень хорошо помню имена пациентов. Но у нас в реабилитационном центре мало кто не сидит в инвалидной коляске».

Си Сяньцин добавил более конкретное описание: «Это молодой пациент мужского пола, он... всегда улыбается».

Маленькая медсестра попыталась вспомнить: «Хм, кажется, что-то припоминаю. Он такой нежный, белокожий, особенно глаза у него добрые и красивые?»

Услышав эти прилагательные, Си Сяньцин на мгновение почувствовал неловкость, но в итоге неопределенно согласился: «Хм, его духовная форма – белый лис».

«А, я знаю!» Другая медсестра высунула голову из комнаты и с улыбкой подхватила: «Вы здесь, чтобы искать Сяо Чжу Гэгэ?»

«Он сегодня действительно приходил, если не ошибаюсь, он сейчас, наверное, дышит свежим

воздухом у искусственного озера».

Сяо Чжу Гэгэ.

Во время короткой прогулки к искусственному озеру за частной больницей Си Сяньцин спокойно обдумывал эти три слова в своем сердце.

Половину территории седьмого округа занимали заснеженные горы, климат был сухим и холодным, и у искусственного озера дул сильный ветер, поэтому на улице было не так много людей.

К тому же большинство пациентов сопровождали родственники, поэтому в этот момент одинокая фигура у озера особенно выделялась.

Рядом с инвалидной коляской свернулся калачиком белый лис, его пушистый хвост окутывал тело, и он сладко спал.

Си Сяньцин стоял позади и сбоку от Чжу Мина и позвал его по имени: «Чжу Мин».

Он увидел, как человек в инвалидной коляске сначала замер, а затем повернул голову.

У озера дул сильный ветер, Чжу Мин был одет только в тонкий свитер, небрежно оголявший его белую шею.

В руке он держал тонкую сигарету, волосы мягко развевались на ветру.

Си Сяньцин увидел, как Чжу Мин выпустил дым, облачко поднялось вверх, он довольно прищурился, его влажные глаза сквозь дымку туманно посмотрели на него.

«Это ты».

Чжу Мин, казалось, не был особо удивлен, лишь слегка улыбнулся и снова посмотрел на озеро: «Я думал, это тетя пришла меня ловить».

В воздухе витал запах никотина, брови Си Сяньцина невольно нахмурились: «Да, это она меня прислала».

Чжу Мин кивнул и, что-то вспомнив, с каким-то странным выражением посмотрел на него: «Подожди, откуда ты знаешь, что я у искусственного озера? У тебя что, ясновидение?»

Си Сяньцин произнес три слова: «Сяо Чжу Гэгэ».

Непонятное обращение, Чжу Мин на мгновение опешил.

Но тут же что-то вспомнив, он, закусив сигарету, улыбнулся и кивнул: «А... это медсестра Сяо Чжоу тебе сказала, да?»

Си Сяньцин холодно сказал: «Если расписание, которое дала мне твоя тетя, не врет, то сейчас ты должен быть на реабилитации в физиотерапевтическом кабинете, а не курить без всякого уважения к окружающим у озера».

«Во-первых, чтобы никому не мешать, я специально доехал до безлюдного берега озера, прежде чем закурить сигарету. Я уже очень сознательный гражданин седьмого округа».

Чжу Мин поднял подбородок, указывая на табличку «Место для курения» неподалеку: «Во-вторых, я просто хотел получить немного приятного никотина и дофамина перед началом реабилитации. Докурю эту, и пойду послушно отчитаюсь перед реабилитологом».

Его тон был очень уверенным.

«Докуришь эту сигарету, потом закуришь следующую, будешь наслаждаться до половины пятого, потом сфотографируешься у стойки медсестры и отправишь фото своей тете, а потом поедешь домой на такси», – выражение лица Си Сяньцина не дрогнуло, когда он прямо разоблачил ложь собеседника, – «Это ты называешь послушной реабилитацией?»

Рука Чжу Мина с сигаретой замерла, глаза слегка сузились, и он наконец-то посмотрел прямо в лицо Си Сяньцину.

На его лице появилась неопределенная улыбка, спустя мгновение он поднял руку и помахал Си Сяньцину.

Грудь Си Сяньцина беззвучно вздымалась, он ожидал, что этот человек не скажет ничего хорошего.

«Мой жених».

Как и ожидалось, в тот момент, когда он наклонился, Си Сяньцин услышал, как Чжу Мин нежно и лукаво прошептал ему на ухо: «Почему ты сегодня вдруг стал таким любопытным?»

Это обращение было слишком интимным и абсурдным, Си Сяньцин резко повернулся к лицу Чжу Мина, его челюсть напряглась: «Ты...»

«Кроме того, моя тетя просила тебя приехать, почему ты просто не отказался, сказав, что у тебя дела? Зачем же специально ехать из шестого округа в седьмой, зачем быть таким

послушным?»

Чжу Мин слегка поднял голову с любопытным выражением лица и сказал дружелюбным голосом с улыбкой: «Так сильно обо мне беспокоишься? Что ты под этим подразумеваешь, неужели ты собираешься со мной... разыграть любовь по-настоящему?»

Его обычно черные глаза в свете огонька сигареты отливали бледно-янтарным цветом. Он находился очень близко, и его губы почти касались уха Си Сяньцина.

Во время их предыдущих встреч Си Сяньцин выражал свое недовольство отсутствием у Чжу Мина чувства границ.

Не говоря уже о крайне откровенных, двусмысленных и даже провокационных словах, которые, можно сказать, постоянно танцуют на минном поле Си Сяньцина.

Как и ожидалось, Си Сяньцин внезапно выпрямился, его лицо помрачнело: «Не будь таким самодовольным, ты думаешь, я действительно хотел прийти?»

Чжу Мин пожал плечами, его улыбка не исчезла: «Тогда ты можешь идти».

Си Сяньцин долго смотрел ему в лицо, а затем просто повернулся и ушел.

Он не был таким уж ничтожным, изначально он приехал из шестого округа в седьмой только из сочувствия к Чжу Инъин, но получил такое обращение, поэтому, естественно, не было никакой необходимости оставаться.

Но, сделав шаг, он внезапно остановился и оглянулся.

Чжу Мин сидел к нему спиной, его черные волосы нежно развевались на ветру.

Он один сидел в инвалидной коляске, дым поднимался от сигареты в его пальцах, и он просто неподвижно и спокойно смотрел на озеро.

Си Сяньцин невольно нахмурился.

Хотя обычно у Чжу Мина было легкомысленное и небрежное отношение ко всему, он вынужден был признать, что в его семейном воспитании и отношении к вещам не было ничего плохого.

Но его слова, такие как «так сильно обо мне беспокоишься?» и «тогда ты можешь идти», каждое из них содержало крайне резкую провокацию.

Это не было похоже на обычного Чжу Мина, это было настолько необычно, что казалось, будто он намеренно говорил неприятные и язвительные вещи, чтобы достичь какой-то цели.

Чжу Мин намеренно провоцировал его уйти.

Осознав этот факт, Си Сяньцин успокоился.

Вокруг стало тихо, Чжу Мин подумал, что Си Сяньцин уже ушел.

Сигарета в его пальцах почти догорела, Чжу Мин достал из кармана пачку сигарет и только собрался закурить еще одну, как боковым зрением заметил что-то позади себя, и его пальцы внезапно замерли.

Си Сяньцин стоял позади него с холодным выражением лица, скрестив руки на груди, полы его пальто развевались на ветру у озера. Он ничего не говорил, а просто спокойно смотрел на него.

Чжу Мину стало немного не по себе: «Почему ты еще не ушел?»

«Разве ты не говорил, что пойдешь на реабилитацию, как только докуришь эту?» – Си Сяньцин стоял вдалеке и спокойно сказал, – «Тогда я подожду здесь, пока ты не докуришь».

Рука Чжу Мина с сигаретой дрогнула.

Он посмотрел на Си Сяньцина с недоверием, затем слегка улыбнулся и сказал: «Мой жених такой внимательный. Даже настоящий возлюбленный не смог бы сделать так же хорошо, как ты».

Но Си Сяньцин не поддался на его провокацию, а просто продолжал стоять, скрестив руки, и спокойно кивнул: «Пожалуйста».

Чжу Мин: «...?»

Си Сяньцин: «Я обещал твоей тете проследить за твоей реабилитацией, поэтому я дам ей полный отчет».

Лицемерная безмятежность лисы наконец-то перестала держаться.

Чжу Мин с улыбкой выдавил сквозь зубы: «Моя реабилитация займет как минимум три часа, разве у такого великого дизайнера, как ты, не должно быть очень плотное расписание? И разве тебе не нужно собирать вещи для поездки во второй округ...»

Но Си Сяньцин больше не обращал внимания на его бессмысленные вопросы.

Он медленно подошел к Чжу Мину, наклонился и взял с его колен пачку сигарет.

Он вынул одну, зажал ее между пальцами, затем наклонился и прикурил от догорающей сигареты в руке Чжу Мина.

Кончики сигарет соприкоснулись, и две оранжевые искорки медленно вспыхнули между их пальцами, покачиваясь на легком ветру с озера.

Чжу Мин подумал, что Си Сяньцин просто хотел закурить сам.

Но он не ожидал, что в следующий момент сигарета, которая вот-вот должна была догореть, будет у него отнята, и вместо нее между указательным и средним пальцами Чжу Мина осторожно вставлена новая зажженная сигарета.

Си Сяньцин с невозмутимым видом помог ему прикурить новую сигарету.

«Продолжай получать свой никотин и дофамин».

Си Сяньцин встал и спокойно сказал: «Я сегодня не занят, у меня есть много времени, чтобы побыть с тобой».

—

Автору есть что сказать:

Большой павлин крепко схватил маленького лисенка, пытающегося избежать лечения!

—

<http://bllate.org/book/14498/1283120>